E6 1/3.

Прот. А. Г. Лебединцевъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА

ВЪ

ОСАЖДЕННОМЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Оттиски изъ «Русскаго Архива».
(1908 г. кн. 3).

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Е6 3
76/1113
Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
Библиотека № 7-671 1349

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА ВЪ ОСАЖДЕННОМЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

(1854—1855 г.).

13-го Октября 1854 г.—Утреню и литургію отслужили благополучно. Въ 12 часовъ слышалъ пріятную вѣсть, что нашими войсками отбиты три редута непріятельскихъ, взяты 3 орудія. Во 2-мъ часу разорвало бомбу надъ сѣвернымъ угломъ церкви со входа и вырвало кусокъ желѣза. Во время вечерни, едва сказалъ: „Благословенъ Богъ"—лопнула бомба на южной сторонѣ церкви. Дымъ и пыль понесло въ церковь, впрочемъ безъ поврежденія церкви. Замѣчательно, что эта бомба упала въ яму, вырытую вчерашней бомбой и также въ 4 часа. Послѣ вечерни еще разорвались двѣ бомбы на высотѣ церкви; осколки посыпались въ садъ, между церковью и домомъ. Сего же числа пало двѣ бомбы въ контору питейную, и одна ракета. Ракета же попала къ сосѣду П. Другому сосѣду ядромъ пробило ворота. „День прошедъ, благодарю Тя, Господи!..."

16-го Октября. 13-ый день осады Севастополя. Воскресеніе. Благовѣстъ къ утрени въ 5 часовъ. Въ 6 часовъ утра погребли секретаря К., чиновника достаточнаго и любимаго купечествомъ; но теперь едва нашли нѣсколько человѣкъ, чтобы взять тѣло. Хоруговей или, по крайней мѣрѣ, креста, некому было взять. Спѣшили выносомъ тѣла къ пристани, чтобы не подвергнуться непріятельскимъ бомбамъ. Впрочемъ, почему-то выстрѣловъ не было слышно до половины 9-го часу. Сѣверная сторона теперь служитъ спасеніемъ для здоровыхъ и больныхъ, для живыхъ и умершихъ: тамъ теперь кладбище. Со стороны Херсониса и монастыря во весь день не было бомбардировки. А на остальныхъ пунктахъ—слабая. Весь день дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, по временамъ съ дождемъ. На линіи непріятельской не замѣтно было ни *дѣйствія*, ни людей. Не погода-ли тому причиной?—Мысль моя, что церковь служитъ цѣлью для непріятелей, сегодня нѣкоторымъ образомъ подтвердилась. Я предложилъ этотъ вопросъ знакомому поручику штурмановъ М. „Кто-то сказалъ непріятелямъ, что подъ церквами складъ пороху и снарядовъ, оттого-то они и цѣлятъ въ церкви", сказалъ мнѣ М.—„Отъ кого вы слышали?"—„Мнѣ говорилъ лейтенантъ С."—

2919/7

Какъ бы то ни было, но это не можетъ быть выдумкой. Франзоль*) 7 к. сер., говядины фунтъ 6 к. Воды трудно достать. Для арміи берутъ воду въ колодцахъ Хомутова и Грязнова.

20-го Октября. 16-ый день осады Севастополя. Утро тихое, безъ вѣтру; въ 6 ч. я вышелъ изъ дому, чтобы посмотрѣть новую баттарею, устроенную въ городѣ, на возвышенномъ пустопорожнемъ мѣстѣ, впереди театра. Оттуда прошелъ къ театральной площади и по большой улицѣ, къ базару и потомъ къ Графской пристани. На площадяхъ и улицахъ вездѣ войска наши. Идешь не городомъ, а лагеремъ. Всѣ дворы большой улицы, отъ театра къ базару, заняты солдатами, гдѣ они расположились, какъ дома. Хозяева, вѣрно, выѣхали, и не замѣтно ихъ тамъ пребыванія. Индѣ съ галлереи выглядываетъ человѣкъ или служанка: сторожа домовъ. По всему протяженію улицы ружья поставлены рогатками. Индѣ на воротахъ написано: такая-то рота, такого-то полка. Я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ посмотрѣть городъ, который, какъ говорили мнѣ, много пострадалъ отъ бомбардированія, особенно въ Артиллерійской части. Дѣйствительно, видны дома сгорѣвшіе; ихъ полагаютъ до двухъ десятковъ, но это, большею частью не дома, а домики или хижины. Одинъ изъ сгорѣвшихъ домовъ капитальныхъ и стольныхъ—это домъ Зол. . . . Пожару содѣйствовалъ сильный вѣтеръ. Кромѣ того, пожаровъ не тушили изъ опасенія подвергнуть команду гибельному дѣйствію бомбъ, которыя были нарочито бросаемы туда, гдѣ вспыхивалъ пожаръ. Видны язвы въ стѣнахъ домовъ и улицъ. Тамъ дыра въ крышѣ, тамъ труба слетѣла. Можно представить большое разореніе внутри домовъ, куда залетала одна разорвавшаяся бомба. Но руинъ въ городѣ, даже на близкомъ разстояніи, не видно. Замѣтное разореніе вы видите только въ извѣстныхъ линіяхъ, соотвѣтствующихъ непріятельскимъ баттареямъ и направленію ихъ орудій. Баракамъ, находившимся подлѣ самыхъ бастіоновъ, можно было ожидать постигшей ихъ участи: они загорѣлись и разрушены нашими руками. Во всякомъ случаѣ непріятели, и послѣ двухнедѣльной (дневной и ночной) бомбардировки, не могутъ похвалиться, чтобы они хотя отчасти разрушили городъ; ибо для глазъ ихъ городъ цѣлъ, какъ отчасти и для нашихъ—таковъ-же. Если намъ жалѣть должно, то о госпиталѣ, и то не зданіяхъ, въ которыхъ также не можетъ быть капитальныхъ поврежденій, а о жалкомъ положеніи больныхъ, которыхъ нужно было спасать изъ огня, а нѣкоторыхъ, очень понятно, и не успѣли спасти. За то, какая слава за сіе непріятелямъ, не уважившимъ и флага больныхъ, и раненыхъ! Хотя бы поучились у варва-

*) Мѣстное названіе бѣлаго хлѣба.. Въ словарѣ Даля его нѣтъ. П. Б.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1232464

ровъ, у своихъ союзниковъ—Турокъ! Хотя бы затвердили декларацію Турецкаго паши въ Бухарестѣ, которою предписываетъ своимъ справедливую заботливость объ оставленныхъ Русскихъ раненыхъ! . . . . Пришедши къ Графской пристани, я встрѣтился тамъ съ плачевнымъ зрѣлищемъ, подобнымъ вчерашнему вечеромъ. Въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ прежде совершалось одно веселіе, устроенъ перевязочный пунктъ для раненыхъ. Въ продолженіе дня дѣлается перевязка, вечеромъ отправляютъ раненыхъ на Сѣверную, а чаще *на онъ полъ* бытія, гдѣ, т. е. на Сѣверной сторонѣ, и кладбище. Не безъ труда и ночью на перевязочномъ пунктѣ: ибо и ночью, хотя въ меньшемъ числѣ, бываютъ раненые; кромѣ того принесенные вечеромъ не могутъ быть тогда же отправлены на Сѣверную, потому шествіе съ ранеными изъ дома Собранія къ Графской пристани бываетъ и утромъ. Печальная картина! Однихъ носятъ въ койкахъ, другихъ въ носилкахъ парусинныхъ, которыя уже почернѣли отъ крови, истекающей изъ раненыхъ. Стоновъ я не слышалъ (уже довольно они стонали, вѣрно, подъ ножемъ оператора); по блѣднымъ и полумертвымъ лицамъ страдальцевъ можно было судить объ ихъ состояніи. Главный докторъ на перевязочномъ пунктѣ, на вопросъ: много умирающихъ? отвѣчалъ безусловно: „нѣтъ“. „Впрочемъ, прибавилъ, мы ихъ недолго задерживаемъ здѣсь, а отправляемъ на ту сторону, въ госпиталь“. Я не былъ еще на той сторонѣ, т. е. Сѣверной; а пока замѣчу то, что̀ слышалъ отъ бывшихъ тамъ о госпиталѣ, устроенномъ во временныхъ баракахъ, гдѣ видѣли тѣсноту, нечистоту и нужду всякаго рода... При перемѣнѣ обстоятельствъ, при критическомъ положеніи больныхъ и ежечасномъ умноженіи ихъ, порядокъ въ госпиталѣ прежняго мирнаго времени: медики собираются только въ извѣстные урочные часы, а во все прочее время одинъ дежурный медикъ, который не въ состояніи удовлетворить и тысячной доли настоящихъ потребностей госпиталя. Прислуги мало или почти нѣтъ. Больные муку терпятъ отъ жажды и тщетно вопіютъ о каплѣ воды. Въ пищѣ недостатокъ, за неприведеніемъ въ порядокъ разбитыхъ частей госпиталя. (Прислуги мало или почти нѣтъ). Многихъ умершихъ предаютъ землѣ будто-бы безъ погребенія. Но тамъ есть госпитальный священникъ. Развѣ не успѣваетъ? Можно послать праздныхъ іеромонаховъ (нѣтъ Корнилова.....) Прости мнѣ, Господи! Не сужу, а пишу, что̀ слышалъ. Погребаютъ нижнихъ чиновъ десятками, безъ гробовъ, въ общей ямѣ. Офицеровъ по два, по три, если случится, также въ общей ямѣ. Вчера похоронили двухъ медиковъ—одного армейскаго, другого—флотскаго, товарищей по ученію, въ общей ямѣ. Число потери нашей навѣрное доселѣ не могу узнать. Но вообще полагаютъ до 4 тысячъ морскихъ чиновъ. Въ

послѣдніе дни убыль значительно меньше; круглымъ числомъ полагаютъ 25 человѣкъ въ день . . . . . .

22-го Октября. Баттареи дѣйствовали всю ночь. Но особенно сильная началась канонада въ 5 часовъ. Въ обѣдни и въ утрени народу было мало, очень мало, судя по великому празднику. Люди живутъ на Сѣверной. Мнѣ хотѣлось имѣть понятіе о Сѣверной сторонѣ въ настоящее время, и послѣ обѣда я, на пароходѣ „Турокъ“, отправился на Сѣверную сторону. На дорогѣ къ пристани, у Михайловской церкви, я встрѣтилъ командира корпуса Д. Ну, слава Богу, если начальникъ здѣсь, значитъ и корпусъ уже его на мѣстѣ. На пароходѣ мнѣ сказали, что въ эту ночь еще войдутъ три полка въ городъ, для чего и пароходы и боты на готовѣ. Прекрасная была мысль—затопить кораблями фарватеръ: мы отказались отъ моря, за то свободно ходимъ по дорогому для насъ рейду. Пароходы день и ночь подъ парами, перевозя казенный и частный грузъ, войска и жителей. На Сѣверной я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, которые тамъ проводятъ день, а ночью переѣзжаютъ въ городъ, чтобы освѣдомиться о своихъ домахъ. Тамъ я увидѣлъ рынокъ—преимущественно съѣстной: ибо забота всѣхъ теперь ограничена насущнымъ хлѣбомъ, и то для одного лишь дня. На рынкѣ перемѣшаны здоровые съ больными въ сѣрыхъ чуйкахъ и бѣлыхъ колпакахъ. Какъ ни грустно посмотрѣть на этотъ бивуачный привалъ безпріютныхъ семействъ, но все же здѣсь жизнь: продаютъ, покупаютъ, провожаютъ, даже многіе представляютъ видъ прогуливающихся, Богъ знаетъ для развлеченія или отъ неимѣнія пріюта. Тамъ обозы казенные, тамъ дилижаны (всѣхъ родовъ) отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ; переселеніе въ мирные города и въ ближайшій Симферополь продолжается. Вотъ вижу, возвращается изъ полиціи чей-то штабъ съ казеннымъ конвоемъ. Пройдя далѣе по дорогѣ къ казеннымъ баракамъ, въ которые переведенъ госпиталь, на возморьѣ Сѣвернаго укрѣпленія, я замѣтилъ большія, какъ будто редуты, могилы, и далѣе рабочихъ, которые роютъ новыя могилы и погребателей. Боже мой! недостаетъ руки погребающей. Продолжаю идти къ госпиталю и слышу громкую жалобу матроса, который привезъ къ какому-то магазину убитыхъ. Онъ кричитъ, что не принимаютъ тамъ мертвыхъ, а велятъ везти прямо къ могиламъ.—„Куда я повезу, отвѣчаетъ онъ, когда могилы не готовы“, и пошелъ съ сими словами въ госпиталь, вѣроятно, просить у кого слѣдуетъ распоряженія. Не знаю, успѣетъ-ли онъ въ этомъ; ибо такое время, что можно сомнѣваться въ исполненіи самыхъ законныхъ требованій. Не достаетъ рукъ для удовлетворенія самыхъ священныхъ потребностей. Сопровождая носилки съ ранеными, которыхъ

привезли со мною же на пароходѣ, я пришелъ въ бараки и отыскалъ уголокъ, занимаемый о. Василіемъ, госпитальнымъ священникомъ, отъ котораго, къ удивленію моему, узналъ, что онъ уже требовалъ отъ начальства себѣ въ помощь іеромонаховъ, что сегодня ожидаетъ отвѣта т. е. удовлетворенія. Бѣдный о. Василій, онъ самъ едва одного себя со своимъ семействомъ спасъ отъ пожара и бомбъ, обращенныхъ на морской госпиталь. Церковь госпитальная почти вся разрушена. Тамъ, у о. Василія, я засталъ нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ, потомъ пришелъ и смотритель госпиталя Л. Отецъ Василій и на бивуакѣ отличается гостепріимствомъ: всѣмъ приходившимъ въ его палатку онъ радушно предлагалъ чай. За чаемъ шелъ разговоръ о томъ, что̀ у насъ дѣлается. Шла рѣчь о больныхъ, раненыхъ; нашихъ, съ убитыми, собственно по флоту, полагали въ 3 тысячи. Много выбыло офицеровъ. Три брата К. ранены, старшій безъ ноги. Удивлялись, какъ остался живъ лейтенантъ И, у котораго ядро сорвало эполету, оконтузило шею и плечо, а голова осталась на плечахъ. Съ восторгомъ говорили о лейтенантѣ К., командирѣ Волоховой баттареи. „Видали мы храбрыхъ, (такъ, по словамъ лейтенанта Б., отзывались о немъ безсрочные служители той баттареи)—но такихъ не видали и не увидимъ“. Когда орудія накалялись до такой степени, что опасно было заряжать ихъ, а между тѣмъ команда, вовсе не артиллерійская, выбилась изъ силъ, онъ, уже получившій нѣсколько ранъ, послалъ команду внизъ, а самъ палилъ и охлаждалъ водою всѣ орудія. Непріятель, замѣтивъ молчаніе баттареи и полагая, что она сбита, подошелъ на картечный выстрѣлъ и открылъ новый убійственный огонь. Вызвавъ опять прислугу наверхъ, К. продолжалъ защищаться до вечера, или лучше, пока въ немъ самомъ держалась душа. Отъ ранъ онъ не могъ устоять; сидя на орудіи, онъ получилъ новую тяжелую рану въ шею и, зажавъ язву рукою, не переставалъ говорить: „хорошо, ребята! кончай, ребята!“ И когда дѣло дѣйствительно кончилось, тогда сказалъ: „ну, теперь ступай внизъ и меня берите“, ибо не могъ уже двинуться съ мѣста. Послѣ перевязки онъ отправленъ въ Симферополь, куда для всѣхъ раненыхъ путь открытъ, если сами этого пожелаютъ. Да и гдѣ съ ними дѣваться здѣсь?

Еще разсказывали анекдоты о мужествѣ матросовъ. Боцманъ безъ ноги проситъ, чтобы его поднесли къ орудію, которое онъ не успѣлъ навести на непріятеля; когда его просьба не могла быть исполнена, онъ говоритъ: „Смотри же, Кузька, правѣе немножко, а не то будешь ты знать у меня и т. д.“. Да что̀ и говорить о матросахъ? Когда въ 18 день бомбардированія Севастополя начальству пришла было

мысль смѣнить у баттареи прислугу, то на это матросы отвѣчали: „развѣ въ продолженіе 17 дней мы худо стояли? Зачѣмъ насъ смѣнять?“ и остались на своихъ мѣстахъ доселѣ.

Возвращаясь уже на заходѣ солнца домой, я замѣтилъ на Сѣверной любимаго матросами адмирала Нахимова.

25-го Октября. Бомбардировка была усиленная. Непріятели весь день были заняты уборкою тѣлъ и раненыхъ. Больно то, что нашихъ убитыхъ, какъ говорятъ, не убираютъ. А мы не можемъ взять ихъ подъ непріятельскими выстрѣлами. Тамъ лежатъ и живые, но тяжело раненые. Нѣсколькихъ подобрали послушники Инкерманской киновіи, по которымъ не стрѣляли непріятели. Другіе раненые, въ кустахъ лежащіе, опасаясь можетъ быть за жизнь самихъ подбирателей, просили прійти за ними ночью. Утромъ, на Графской пристани, я былъ свидѣтелемъ тяжкаго для сердца зрѣлища. Носили на барказъ мертвыя тѣла вчера раненыхъ, которые не пережили своихъ ранъ и сдѣланной имъ операціи, и ночью скончались. Клали мертвыхъ на барказъ, головою къ бортамъ, а ногами къ ногамъ; клали одного подлѣ другого по всему барказу, и потомъ другой рядъ надъ тѣми же тѣлами. Третьяго ряда я не дождался, не могши смотрѣть на невиданное мною зрѣлище. Были здѣсь и наши, въ сѣрыхъ шинеляхъ; ихъ немного: бо́льшею частью это были Французы—одни въ синихъ мундирахъ и панталонахъ (народъ рослый), другіе въ синихъ мундирахъ и красныхъ панталонахъ (народъ помельче, это, говорятъ, стрѣлки или штуцерные).

1855 г.

1-го Января. Въ самую полночь съ 3-го бастіона сдѣлана вылазка въ числѣ 300 охотниковъ. Непріятели бѣжали и были преслѣдуемы до 3-ей траншеи. Въ плѣнъ взято 18 человѣкъ. Много положили на мѣстѣ. Наше „ура“ слышно было въ городѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ съ обѣихъ сторонъ открытъ огонь. Такимъ образомъ мы встрѣтили Новый годъ громами и молніями. Морозъ съ ночи былъ хорошій и сѣверный вѣтеръ съ небольшимъ снѣгомъ. Днемъ, хотя и падалъ снѣгъ, но при оттепели....

5-го Января. Утромъ былъ на рынкѣ. Все дорого, да и нѣтъ ничего. Бѣлый хлѣбъ, который прежде платили 15 к. теперь 40 к.

Въ полдень, по совершеніи литургіи, освятили соборнѣ воду. Народу, или лучше солдатъ, было довольно въ церкви, и не обошлось безъ шуму за воду, какъ обыкновенно бываетъ. Въ 4 часа, по желанію гг. офицеровъ, служилъ панихиду по Корниловѣ на могилѣ его.

День былъ тихій и ясный; морозъ держался; начиналъ южный вѣтерокъ. Со стороны непріятелей ничего особеннаго....

10-го Января. Съ полудня было ясно. Въ 11 часовъ я ходилъ въ домъ Благороднаго собранія, гдѣ перевязочный пунктъ для раненыхъ, исповѣдывать и пріобщать раненаго лейтенанта Т. Этотъ молодой офицеръ три раза былъ охотникомъ на вылазкахъ, и въ четвертый— раненъ въ грудь на вылетъ. Доктора находятъ рану не смертельной и подаютъ надежду на выздоровленіе; но Богъ вѣсть! Больной самъ чувствуетъ себя очень трудно. Подлѣ него ухаживаетъ родной братъ его, на баттареѣ тяжело контуженный. Война сродняетъ братьевъ, какъ и утроба матерняя. Сколько случаевъ, гдѣ братья родные вмѣстѣ падаютъ въ полѣ битвы и даже отъ одного ядра, вмѣстѣ ранены и встрѣчаются на перевязочномъ пунктѣ и потомъ въ госпитальной палатѣ! Уврачевавъ больного Т. св. таинствами, я уже сложилъ было ризу съ епитрахилью и крестъ въ платокъ, и шелъ домой, какъ слышу голосъ другого больного: „дайте мнѣ, батюшка, поцѣловать крестъ“. Я, не медля, возложилъ на себя епитрахиль и поднесъ крестъ. Это былъ нашъ офицеръ безъ руки; я прежде призналъ его по физіономіи за Француза. Что̀ значитъ болѣзнь! . . . .

14-го Января. Вчера прибыли въ 4 крытыхъ подводахъ сестры милосердія для услугъ раненымъ больнымъ. Вчера же привезена изъ Симферополя, по желанію полковника Б. полка, икона (въ копіи) Касперовской Божіей Матери для служенія въ полку молебна. Примѣръ этотъ возбудилъ такое-же благочестивое желаніе и въ другомъ полковомъ командирѣ....

19-го Января. Вечеромъ, въ 6 часовъ, получилъ я письмо изъ находящагося въ плѣну Георгіевскаго монастыря, отъ архимандрита Г. Имѣя подлинникъ послать владыкѣ, снимаю здѣсь копію:

„На первое письмо ваше я отвѣчалъ вамъ 22-го Декабря, а на второе отвѣчаю и передаю вамъ тоже самое, что̀ было сказано въ первомъ. Честь имѣю увѣдомить васъ, что мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы, кромѣ эконома монастыря, іеромонаха Августина, который умеръ 22-го Сентября. Нуждъ, по особенной милости и благоснисхожденію къ обители нашей г. главнокомандующаго Французскими войсками, не имѣемъ. Богослуженіе совершается у насъ ежедневно.“

„Тогда, за поспѣшностью, не могъ больше ничего написать, а теперь могу вамъ передать и кое-что лишнее. Нашъ монастырь много пострадалъ 2-го Ноября отъ чрезвычайной бури: церковь Георгіевскую слишкомъ много повредило, и чуть-ли не до основанія, и теперь у насъ отправляются богослуженіе въ маленькой церкви, Дмитріевской;

Лазаревскій домъ разрушился почти до основанія; два новыхъ корпуса раскрыло, и хотя послѣ поправили, но при малѣйшемъ дождикѣ бываетъ течь сильная въ келіяхъ; а третій корпусъ, что̀ близъ новыхъ корпусовъ, почти разрушился; много деревьевъ повредило, а нѣсколько совсѣмъ уничтожило; церковь Воздвиженскую наверху совсѣмъ раскрыло и часть ограды чугунной изломало; гостинницы тоже всѣ раскрыло и сараи повредило. Вотъ теперь какой нашъ монастырь! Будьте здоровы!“

14-го Января 1855 г.

„Испросите архипастырское благословеніе на главы наши. У насъ оказывается недостатокъ въ восковыхъ свѣчахъ для церкви; этого намъ не могутъ доставить, потому что подобнаго рода свѣчей у нихъ нѣтъ; нельзя ли будетъ вамъ прислать для монастыря хоть фунтовъ 15 мелкихъ свѣчей“.

„21-го Января. Въ 11 часовъ былъ у генерала С. съ письмомъ и посылкой въ монастырь, что̀ и отправлено. Генералъ похвалился мнѣ, что онъ писалъ генералу Канроберу и благодарилъ его за уваженіе къ св. обители и вниманіе къ живущимъ въ ней“.

27-го Января получилъ отъ Владыки *) письмо, въ которомъ между прочимъ: „Мнѣ думается на горѣ Инкерманской выстроить малую церковь на память Инкерманскаго сраженія и для поминовенія въ немъ падшихъ на брани воиновъ. Справься, можно-ли возъимѣть ихъ имена. О семъ намѣреніи можешь сказать кому нужно, да пожалуй и каждому“. Свято для меня слово владыки моего, и я долженъ исполнить повелѣнное, но считаю не излишнимъ и свое мнѣніе о семъ предметѣ представить на усмотрѣніе его. Главное мѣсто сраженія, называемаго Инкерманскимъ, было на Сапунъ-горѣ, въ значительномъ разстояніи отъ Инкермана. Богъ вѣсть, не будетъ ли еще подобнаго кровопролитнаго сраженія на томъ или другомъ мѣстѣ, которое также будетъ имѣть право на память. Поелику же тѣла убитыхъ въ Инкерманскомъ сраженіи (кои успѣли унести) и умершихъ отъ ранъ тамъ полученныхъ (въ томъ числѣ и генерала Соймонова) погребены на Сѣверной, гдѣ теперь общее кладбище всѣхъ павшихъ при защитѣ Севастополя, то церковь, какъ памятникъ на брани убіеннымъ православнымъ воинамъ приличнѣе устроить на ихъ могилахъ, на Сѣверной. Въ балкахъ этой стороны немало есть жителей; баттареи Сѣверныя тоже не имѣютъ церкви; кромѣ того на Сѣверной—главный для Севастополя привозъ базарный; потому церковь для усопшихъ была бы близкимъ

*) Преосвященнаго Иннокентія.

прибѣжищемъ и для живыхъ. Первый случай объявить мысль владыкѣ я имѣлъ за обѣдомъ, 3-мъ штабъ-офицерамъ флотскимъ, которые нашли ее весьма благою и къ исполненію необходимую. Но какого рода должна быть церковь, родился вопросъ. Всѣ согласились, что она не можетъ имѣть постоянныхъ средствъ къ содержанію, находясь въ полѣ, вдали отъ жителей. Тамъ могутъ быть многочисленныя собранія напр. 24-го Октября въ день годовщины, во дни поминовенія церковнаго, и лѣтомъ могутъ избирать подобное мѣсто для прогулки. Слѣдовательно, тамъ можетъ быть какой-либо духовный старецъ въ качествѣ стража св. мѣста и при случаѣ молитвенника объ усопшихъ. Возъимѣть списокъ убитыхъ тамъ не трудно [1]) . . . . . .

27-го Января. О. Василій сообщилъ мнѣ кое-что, о чемъ могу замѣтить здѣсь. 1) Сестры милосердія, прибывшія въ Севастополь, имѣютъ увѣдомленіе изъ придворной конторы Великой Княгини Елены Павловны, что къ нимъ назначены духовниками я и іеромонахъ Иннокентій, и желаютъ видѣться со мною. Поспѣшу. 2) Въ Морскомъ госпиталѣ, вслѣдствіе безпрерывныхъ заботъ Царскаго дома, все улучшено до превосходной степени. 3) Московскіе купцы, на 99 тройкахъ, привезли превосходную крупу, сахаръ, чай, и все, и все. Это превосходно! [2]) . . . . . .

29-го Января. Зашелъ къ преосвященному митрополиту Агаѳангелу.... Тамъ засталъ я одного офицера съ баттареи № 8, что̀ противъ карантина, отъ котораго слышалъ, что по Херсонесской церкви [3]), ограбленной до доски непріятелемъ, долго мы не рѣшались стрѣлять, уважая святыню; но когда въ ней засѣли непріятели съ штуцерами, то вынуждены были стрѣлять и по церкви, чтобы оттуда ихъ выгнать. По словамъ того же офицера, непріятельскіе стрѣлки прятались также въ известковой печи, устроенной О. В. въ Херсонесѣ; оттуда также заставили ихъ удалиться. Но нѣтъ возможности выбивать ихъ изъ груды камня, разсыпаннаго по всему Херсонесу, и изъ могильныхъ пещеръ, раскрытыхъ антикваріемъ Гр. А. Ч. Дома, за обѣдомъ, рѣчь была о вице-адмиралѣ Нахимовѣ, который вчера назначенъ товарищемъ генералу Сакену. Замѣчу, офицеры, съ которыми шла рѣчь о Нахимовѣ,

---

[1]) Какъ извѣстно, церковь воздвигнута на Сѣверной сторонѣ.

[2]) Тутъ главнымъ дѣятелемъ былъ человѣкъ зоркаго ума и геніальнаго сердца—Василій Александровичъ Кокоревъ. У него была мысль и въ Турецкую войну устроить *непрерывныя* сообщенія Москвы съ мѣстами боя посредствомъ такихъ троекъ. П. Б.

[3]) Это была временная церковь во имя св. равноапост. кн. Владимира, устроенная на развалинахъ Херсонеса, уступленныхъ подъ иноческую киновію, по ходатайству преосвященнаго архіепископа Иннокентія.

принадлежатъ къ оппозиціи его. Мнѣ кажется, что когда человѣкъ имѣетъ приверженцевъ и противниковъ, то уже по одному этому стоитъ вниманія. И на это нужно талантъ, чтобы заставить говорить о себѣ; а чтобы раздѣлить общество непростое (каково общество флотскихъ офицеровъ)—для этого нужно что-нибудь особенное. . . . .

31-го Января. Посѣтилъ раненыхъ больныхъ, за которыми сестры ухаживаютъ весьма усердно. Правда, при операціяхъ и перевязкахъ, онѣ составляютъ только третьи руки (первыя—докторовъ, вторыя—фельдшеровъ), поднося корпію и разныя бутылочки для примочекъ *). Но очень мило онѣ кормятъ, поятъ и ласкаютъ больныхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна сестра трепала матроса по щекѣ, называя голубчикомъ и другими милыми именами, какъ другого заохочивала завтра на вылазку. Матросы, забывая боль, радостно улыбаются при этомъ. По объясненной одной изъ нихъ надобности въ иконахъ, для комнатъ больныхъ, сегодня отослали туда четыре.... Проходя мимо Михайловской (адмиралтейной) церкви, я замѣтилъ въ ней у самого амвона, на довольно высокомъ подножіи, крестъ, предъ которымъ стоятъ два подсвѣчника. Я вошелъ въ церковь, чтобы разспросить, что̀ за крестъ? Діаконъ могъ мнѣ только сказать, что крестъ этотъ (и еще другой подобный) присланъ изъ Москвы какимъ-то купцомъ для Севастополя. Но самый крестъ болѣе мнѣ сказалъ о себѣ: на лицевой сторонѣ, въ верхнемъ ободкѣ, Спаситель на тронѣ, подлѣ него Матерь Божія и Іоаннъ Предтеча. Въ среднемъ—распятіе Спасителя; у креста стоятъ дѣва Марія и Іоаннъ Богословъ. Въ нижнемъ—сошествіе во адъ. На четырехъ концахъ креста изображенія 12 апостоловъ, тоже въ золотыхъ ободкахъ. На другой сторонѣ изображеніямъ 12 апостоловъ соотвѣтствуетъ такое же число звѣздъ серебряныхъ. На оконечностяхъ креста, въ ободкахъ, слѣдующія изображенія: Рождество Христово, Сошествіе Св. Духа, Преображеніе, Вознесеніе и Успеніе Божіей Матери. На передней сторонѣ креста внизу надпись: „симъ побѣждай!“ На другой: „подобіе креста, принесеннаго равноапостольнымъ княземъ Владимиромъ изъ Херсонеса“. Понятно, почему подобный крестъ присланъ въ даръ воинству, сражающемуся за вѣру и отечество именно тамъ, гдѣ крестился Первоначальникъ нашей вѣры и отечества, и откуда имъ принесенъ подобный крестъ въ первопрестольный градъ. Но желательно знать, какъ именно родилась эта мысль и какъ выражена самимъ благочестивымъ жертвователемъ этого побѣднаго знаменія

*) Это, впрочемъ, разумѣть должно о первыхъ перевязкахъ; послѣдующія дѣлали сами сестры.

Христолюбиваго воинства. Постараюсь узнать и внести это въ дневникъ мой *) . . . . . .

4-го Февраля. Весь день очень теплый. Въ 9-мъ часу утра отслужилъ на перевязочномъ пунктѣ молебенъ съ водосвятіемъ. Раненыхъ подносили съ бастіоновъ, хотя, повидимому, пальба не часта. Сестра милосердія съ удивленіемъ разсказала мнѣ о казачьемъ Черноморскомъ офицерѣ, вчера приходившемъ на перевязочный пунктъ. Онъ контуженъ и просилъ пособія. Когда дежурный медикъ сказалъ ему, что долженъ онъ на нѣсколько дней остаться въ госпиталѣ или квартирѣ, онъ отвѣчалъ: „о, этого рецепта я не могу принять. Мнѣ дайте такое лѣкарство́, чтобъ я завтра же былъ здоровъ или по крайней мѣрѣ, чтобы я могъ пользоваться имъ тамъ—на баттареѣ, откуда я не отлучусь. Какъ, можетъ быть и эту ночь будетъ вылазка, а я буду въ госпиталѣ, когда мои товарищи будутъ въ дѣлѣ! Нѣтъ, благодарю, если нѣтъ такого лѣкарства, то я и безъ него иду на бастіонъ!“ Ему придумали нѣчто, что̀ можно бы дать на руки, но нужно было еще посылать въ аптеку, а была ночь. „Ну, такъ завтра“, и съ тѣмъ ушелъ на бастіонъ.—„Давно-ли офицеромъ“? спросила сестра. „Здѣсь произведенъ“ былъ краткій отвѣтъ не краснорѣчиваго словомъ, а душой Черноморца. Вообще о Черноморцахъ, объ ихъ удальствѣ, отвагѣ—слава хороша....

7-го Февраля. Понедѣльникъ первой седмицы великаго поста. День пасмурный, вѣтеръ западный, палятъ изрѣдка и слабо. На утрени было людей немного. Послѣ утрени былъ у раненыхъ больныхъ. Во всякомъ изъ нихъ вѣра и вѣра живая. На вопросъ о здоровьѣ, одинъ отвѣтъ у каждаго: „слава Богу, лучше себя чувствую“. Если кому хуже, то, сказавъ, что худо, заключитъ тѣмъ же: „слава Богу“. Тотъ проситъ помолиться о немъ и предлагаетъ гривенникъ на молебенъ. „Не надо, другъ мой“, отвѣчаю: „помолюсь, а безмездную молитву Господь скорѣе услышитъ“. Больной не соглашается и какъ-будто обидѣлся тѣмъ, что я не хочу принять денегъ.—„Вотъ же на что лучше употреби—наконецъ говорю ему—я пришлю къ иконѣ лампадку; такъ пусть твои деньги будутъ на масло для лампадки, которая тутъ-же у васъ будетъ теплиться“. Онъ остался этимъ доволенъ и успокоился. Другой: „теперь постъ, батюшка, я буду поститься“. „Нельзя,—отвѣчаю—ты боленъ и тебѣ даютъ пищу, которая была-бы лѣкарствомъ, а лѣкарство больному необходимо принимать. Не смущайся этимъ, здѣсь грѣха твоего не будетъ; предоставь поститься за тебя здоровымъ“. Успокоилъ тѣмъ одного,

*) Оказалось потомъ, что мысль жертвователю подалъ преосвящ. Иннокентій, который 26 Іюня 1855 г., прибывъ въ Михайловскую церковь для служенія, нечаянно удивленъ былъ исполненіемъ, не будучи извѣщенъ о томъ.

а потомъ другого, который не рѣшался въ постъ кушать скоромное. Еще одинъ хочетъ что-то сказать. „Что?“—спрашиваю.—„Батюшка, что мнѣ дѣлать? Мнѣ ночью все такое страшное представляется“.—„А ты съ вечера хорошенько молись Богу, то и спать будешь спокойно“.—„Молюсь, батюшка!“—„А ты знаешь, что при каждомъ изъ насъ есть Ангелъ-Хранитель. Помолись еще ему: онъ не допуститъ на душѣ твоей ничего страшнаго“. Между тѣмъ эти грезы его бываютъ собственно отъ горячечнаго состоянія, какъ мнѣ объяснила начальница сестеръ Ек. М. Б.[1]) Что же сказать въ утѣшеніе безпомощному страдальцу, кромѣ утѣшенія вѣры? А почемъ знать, что тотъ, кого медики записали въ безнадежные, не встанетъ отъ одра надеждою на Бога и что самъ Ангелъ не станетъ для него сестрой и даже лучшимъ медикомъ?...

8-го Февраля. Утро встрѣтило насъ не бомбардировкой, что̀ многіе ожидали со страхомъ, а морозомъ, снѣгомъ и сѣвернымъ вѣтромъ, который порывисто дулъ въ продолженіе всей ночи. Такая перемѣна въ погодѣ очень могла произвести перемѣну въ намѣреніяхъ непріятеля, если они дѣйствительно намѣревались открыть новую бомбардировку. Homo proponit, Deus disponit[2]). У Него, Всемогущаго, все готово и все посылается съ премудрой цѣлью. Видимъ мы эту цѣль или нѣтъ—можемъ быть увѣрены, что любящимъ Бога все споспѣшествуетъ во благое. Напр. и этотъ холодъ, послѣ дней совершенно лѣтнихъ, снѣгъ, мятель намъ во благое: ибо—очевидно—въ большой вредъ непріятелю. Благодареніе Богу!

Въ церкви службу нужно было сегодня уступить армейскимъ священникамъ, которые будутъ пріобщать солдатъ Тобольскаго полка. Потому все утро я могъ употребить на служеніе раненымъ больнымъ, коихъ, благодареніе Богу, исповѣдалъ и пріобщилъ 15 человѣкъ. Духъ вѣры, возгрѣваемый въ больныхъ истинно-христіанскимъ служеніемъ сестеръ попеченія, не угасаетъ ни въ комъ: прійдешь исповѣдать и пріобщать одного или двухъ, а найдешь желающихъ 10. Рядомъ съ больнымъ, котораго я исповѣдалъ и пріобщалъ, лежитъ солдатъ—Еврей безъ руки. Сестра уже не первый разъ хочетъ обратить на него мое вниманіе, говоря: „какъ жаль, что онъ не христіанинъ, а добрый Еврей и притомъ раненъ ужъ третій разъ“. Его полюбилъ и докторъ, который усердно смотритъ за нимъ и удерживаетъ на перевязочномъ пунктѣ, чтобы не передавать его на другія руки. Я самъ замѣтилъ въ немъ кромѣ терпѣнія и набожность: онъ молится по книгѣ. Добрый Еврей

[1]) Екатерина Михайловна Бакунина. П. Б.

[2]) Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.

можетъ быть и добрымъ христіаниномъ. Болѣзненное его состояніе и сохраненіе его жизни, повидимому, представляетъ важный поводъ заговорить съ нимъ о вѣрѣ. Можетъ быть, этотъ самый случай занималъ и сестру, богатую чувствами христіанскими. Но мнѣ это самое обстоятельство и представлялось важнымъ здѣсь препятствіемъ, почему собственно я и не рѣшался вступить въ разговоры съ нимъ, зная, что Еврей вдругъ догадается, о чемъ священникъ станетъ съ нимъ говорить. И вотъ, когда я, пріобщивъ своего больного и уже сложивъ съ себя священное облаченіе, обратился къ Еврею съ вопросомъ: „а твое, Абрумъ, какъ здоровье?“ онъ, сказавъ: слава Богу, тотчасъ же сталъ противъ меня въ оборонительное положеніе. „Слава Богу“, отвѣчалъ онъ, „ужъ три раза Богъ сохранилъ жизнь мою, я два раза раненъ на Дунаѣ; потому не надо перемѣнять той вѣры, въ которой кто родился“. Что̀ мнѣ оставалось сказать ему на такой неожиданный отпоръ? Потому-что я не только не намекнулъ ему о перемѣнѣ вѣры, а даже, признаюсь, не думалъ на первый разъ объ этомъ упоминать. „И наше Святое Писаніе говоритъ—былъ мой отвѣтъ—что во всякой вѣрѣ, кто дѣлаетъ угодное Богу, пріятенъ ему. Потому продолжай, Абрумъ, дѣлать угодное Богу по твоей вѣрѣ, а тамъ Господь, сохранившій тебя отъ смерти, Самъ укажетъ тебѣ и истинный путь къ жизни“.

А вотъ что̀ удивительно: иногда встрѣчаешь отпоръ въ больномъ христіанинѣ, именно, когда предлагаешь ему исповѣдываться и пріобщаться. Странный предразсудокъ не у однихъ простыхъ, а нерѣдко даже у образованныхъ, что это есть напутствіе къ смерти.

9-го Февраля. Вечеромъ былъ на перевязочномъ пунктѣ. Больные всегда рады посѣщенію и готовы поговорить. Тотъ жалуется на жаръ въ головѣ и грезы; другой все таки безпокоится, что онъ не постится; одинъ видѣлъ сонъ и желаетъ знать, что̀бы онъ значилъ; болѣе здоровые въ одинъ голосъ повторяютъ: слава Богу! слава Богу; отъ тѣхъ слышится жалоба, что холодно въ комнатахъ, мало отпускаютъ дровъ. Всякому что-нибудь скажешь въ утѣшеніе, и благодарятъ за посѣщеніе.

10-го Февраля. Въ 7 часовъ утра былъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ исповѣдалъ и пріобщилъ четырехъ раненыхъ. Удивилъ меня одинъ къ тому своимъ препятствіемъ. Когда я объяснилъ ему важность и необходимость духовнаго врачевства, онъ, вздохнувъ, тотчасъ пожелалъ воспользоваться имъ, но при этомъ тихо промолвилъ: „какъ-же, у меня денегъ нѣтъ....“ Или такое бѣдное у него понятіе, или такова уже привычка у православнаго, что онъ ничего не принимаетъ отъ священника безъ благодарности.

11-го Февраля.... День прошелъ въ службѣ. Много было исповѣдниковъ. Во второмъ часу былъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ присутствовалъ при операціи, когда отрѣзывали руку. Положимъ, что больной молчитъ отъ хлороформу, и что операція производится очень искусно и быстро, но невыносимо больно для сердца быть простымъ свидѣтелемъ этой страсти. Другому операція уже окончена. Онъ лежитъ и что-то говоритъ. Подхожу къ нему. „Благословите, батюшка!“—„Господь тебя благословитъ. Какъ чувствуешь себя?“—„Вотъ руки нѣтъ. Но я пойду и съ одной рукой, непремѣнно пойду. Нужно молодымъ солдатамъ примѣръ показывать“.

И плачетъ бѣдный не столько отъ боли, сколько отъ досады, что онъ не тамъ и не можетъ бить Французовъ....

14-го Февраля. Вечеромъ служилъ для больной сестры повечеріе и утреню. Бѣдная сильно занемогла, служа больнымъ и между прочимъ скорбитъ, что еще мало потрудилась....

15-го Февраля.... Вечеромъ три дѣвицы, родныя сестры и дочери бѣдной вдовы, приходили ко мнѣ просить благословенія въ путь.—Куда?—„Куда-либо“, только изъ Крыму, изъ котораго даже побуждаютъ женскій полъ уѣзжать. Получили на то, какъ и всѣ, вспоможеніе отъ начальства.... „Гдѣ же вы будете жить?“—Богъ вѣсть! Будемъ искать у помѣщиковъ мѣстъ ключницы, горничной и проч. Думаю, что Господь, любящій „*сира*“ и „*вдовицу*“, укажетъ имъ пріютъ.

18-го Февраля. Сѣверный вѣтеръ дулъ ночью и теперь дуетъ; оттого стало въ городѣ сухо. Въ операціонной комнатѣ утромъ не засталъ ни одного раненаго; это рѣдко! Для одного больного отслужилъ въ палатѣ молебенъ. Исповѣдалъ и пріобщилъ одного. Въ 12 ч. погребалъ сестру Кузнецову, умершую отъ тифуса. Погребеніе отпѣвали въ Михайловской церкви, а предали землѣ на Сѣверной, на новомъ кладбищѣ. Общія могилы роютъ теперь глубокія, примѣрно на 50 человѣкъ. По окончаніи войны предполагается всѣ могилы уровнять и сдѣлать курганъ, на которомъ будетъ поставленъ памятникъ.

21-го Февраля.... Въ 4 часа еще однажды посѣтилъ раненыхъ и двумъ отнесъ по просфорѣ, ибо сами просили святого хлѣба. Въ больныхъ открывается потребность во всемъ священномъ. Болѣе ничего особеннаго не случилось.

23-го Февраля.... Обѣдалъ у меня іеромонахъ Иннокентій, смотритель Инкерманской киновіи, которая еще существуетъ въ добромъ здоровьѣ, и его послушники тамъ витаютъ....

Весь этотъ день былъ для меня тяжелъ по причинѣ случившагося въ церкви воровства. Боже нашъ! Въ такое время, когда стыдно и сказать, чтобы были люди въ городѣ, небоящіеся гнѣва Божія! Однако есть. Горе намъ!....

25-го Февраля.... Сего же числа получилъ отъ преосвященнѣйшаго владыки нашего, архіепископа Иннокентія, важную бумагу: это прошеніе православныхъ жителей Крымскаго полуострова о дарованіи сему краю самостоятельной іерархіи или каѳедры архіерейской, чѣмъ будетъ почтена апостольская древность Православной Церкви, благоукрасится колыбель Русскаго христіанства въ Крыму, поставится оплотъ противъ господствующаго въ немъ магометанства, положится одинъ изъ благонадежнѣйшихъ залоговъ къ полнѣйшему сліянію сего края съ составомъ Имперіи и преподастся здѣшнему христіанскому населенію новое средство къ увраченію себя отъ язвъ, нанесенныхъ ему враждебнымъ вторженіемъ иноплеменниковъ и мятежнымъ возстаніемъ туземныхъ Татаръ....

28-го Февраля... Запишу копію письма, которое вчера встрѣтилъ у сестеръ. Оно передано имъ отъ начальника штаба кн. Васильчикова, для прочтенія раненымъ больнымъ:

„Къ раненымъ православнымъ воинамъ“.

Здравствуйте, мои незабвенные братцы! Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, поздравляю васъ; прижимая васъ къ сердцу, цѣлую ваши драгоцѣнныя раны, коими вы украшены за православную вѣру и отечество. Посылаю вамъ рубахъ сколько могу. Увѣряю васъ, что непрестанно молю Спасителя Бога о укрѣпленіи силъ и дарованіи вамъ побѣды на врага.

Дражайшіе друзья! Желая вамъ всякаго добра и счастья, прошу принять мой дружественный совѣтъ.

Господи всесильне! Просвѣти и укрѣпи меня своею благодатью. Какія-бы ни находили скорби на васъ, но вы не унывайте: ибо Господь съ вами, и сила Божія совершается въ васъ наиболѣе; и притомъ направляйте сердца свои къ всемогущему Богу, и Онъ утѣшитъ васъ здоровьемъ душевнымъ и тѣлеснымъ, какъ Податель жизни и благъ; молиться можно и сидя, и лежа, лишь бы съ душевнымъ расположеніемъ.

Милые голубчики! Кто не позавидуетъ изъ благоразумныхъ вашему счастью, что вы избраны защищать не только отечество свое дражайшее, но и Самого Бога Вседержителя. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пострадавъ за спасеніе рода человѣческаго, оставилъ намъ образецъ вѣры и любовь къ достиженію царствія Божія. Надо же намъ

сберегать эти дары Божіи добрыми дѣлами: ибо Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Знайте, что ваша блистательная участь дорога для всей Богохранимой Россіи, и всякъ изъ соотчичей вашихъ готовъ подать вамъ руку помощи и облегчить васъ искреннимъ усердіемъ. Стóитъ вамъ только, благословенные защитники Православія, бодриться и помышлять, что каждая капля крови вашей геройской оцѣняется вашимъ отечествомъ заботливымъ высоко и вознаграждается достойно любвеобильнымъ Царемъ, Отцомъ нашимъ. При томъ памятуйте, вѣрные сыны Востока и потомки благочестивыхъ предковъ Россіянъ, что св. Архистратигъ Михаилъ, воевода небесныхъ воинствъ и побѣдитель враговъ церкви Божіей, стоитъ съ вами за св. вѣру и облагодатствованнымъ мечомъ своимъ охраняетъ насъ всѣхъ отъ враговъ, и всѣ святые, радуясь вашему доброму подвигу, молятъ Христа Бога о исцѣленіи васъ. Будьте же спокойны, хранители земли Русской, и радуйтесь: ибо Самъ Царь Небесный избралъ васъ на это св. дѣло—защищать православную вѣру, распространенную въ нашемъ дражайшемъ отечествѣ Самимъ Творцомъ неба и земли чрезъ В. К. Владимира.

Вѣрьте, что Всеблагій Господь исцѣляетъ васъ, исповѣдниковъ Его св. вѣры, выполняющихъ сильно истины Св. Евангелія.

А когда возстанете отъ одра болѣзни, то постарайтесь возблагодарить Всемилостиваго Спаса всѣмъ сердцемъ за безчисленныя милости, и въ упованіи на всесильную благодать Его идите смѣло противъ враговъ и стойте твердо за православную вѣру, за благочестивѣйшаго царя и за отечество дражайшее. А на такое дѣло святое благословляю васъ благословеніемъ Господнимъ и желаю вамъ духа христіанскаго, свойственнаго Русскому человѣку и сердцу. Цѣлую васъ еще, испрашивая вамъ отъ Господа Бога премилосердаго помощи вамъ.

Священникъ К..... М....

6-го Января 1855 г. Село В.

Потомъ посѣтилъ раненыхъ больныхъ въ Николаевской баттареѣ, гдѣ они представляютъ гораздо пріятнѣйшее зрѣлище, чѣмъ въ другихъ пунктахъ. Многіе изъ нихъ сидятъ и съ видомъ веселымъ, свидѣтельствующимъ о возвращеніи силъ; другіе прохаживаются, ведутъ разговоры и проч. Начинаютъ жить. Весьма пріятно было встрѣтиться съ больными, поступившими сюда изъ инженернаго двора: здѣсь былъ второй перевязочный пунктъ. Первый находился въ домѣ Благороднаго собранія. И еще одинъ—въ Корабельной части города. Они взаимно очень были рады, увидѣвъ знакомаго своего батюшку.

1-го Марта. Свѣтло всходило солнце, но не свѣтло было для насъ утро этого дня. Въ два часа ночи свиты Его Величества генералъ-

маіоромъ кн. Паскевичемъ привезена въ Севастополь печальная вѣсть о кончинѣ Государя Императора и съ разсвѣтомъ была уже всѣмъ извѣстною. Пока она еще носилась по городу слухомъ, никто не хотѣлъ вѣрить; страшно было даже слышать или передать ее другому; на крайность склонялись разумѣть это о Государынѣ Императрицѣ, о которой давно было извѣстно, что она больна и уже другой разъ потребовала къ себѣ дѣтей (В. К. Николая и Михаила Николаевичей) изъ Севастополя. Такъ говорили, а значитъ, что послѣдній разъ ихъ позвали домой по случаю болѣзни Государя Императора. Доблестные царевичи не могли впрочемъ застать своего августѣйшаго родителя въ живыхъ. Государь Императоръ скончался 18 Февраля, а они выѣхали изъ Севастополя на 22 Февраля ночью. Печаль неимовѣрная, нежданная, глубокая! Одинъ Господь, поставляющій царей и преставляющій, вѣдаетъ, для чего такъ неблаговременно для насъ воззвалъ къ Себѣ высокаго помазанника Своего, для чего въ такое время повелѣлъ зайти солнцу нашему... Да не рекутъ враги наши: Богъ оставилъ есть ихъ....

Въ 7 часовъ утра былъ у раненыхъ больныхъ въ инженерномъ домѣ, и еще не слышали здѣсь печальной вѣсти. Чрезъ полчаса собрались медики и объявили о томъ за вѣрное. Безмолвіе было первымъ выраженіемъ невыразимой скорби. Чьему сердцу не была болѣзненна вѣсть эта? Кто не понималъ важности тяжкаго посѣщенія Божія? Не могшіе удержать своихъ чувствъ плакали.

На перевязочномъ пунктѣ засталъ 6 раненыхъ взрывомъ одной бомбы: одни тяжело, другіе—легче. Исповѣдалъ и пріобщалъ двухъ.

Возвращаясь домой, я уже встрѣчалъ войска, проходившія къ Михайловской церкви, гдѣ на площади имѣли принести присягу вступившему на престолъ государю императору Александру Николаевичу и наслѣднику престола цесаревичу великому князю Николаю Александровичу. Священная присяга началась въ 11 час. Поставлены были 5 налоевъ, на которыхъ лежали кресты и евангелія. По желанію генер. Сакена ускорить это дѣло, я послалъ еще съ своей церкви 2 налоя съ евангеліями и крестами. У каждаго налоя строились войска и, поднявъ руку, произносили за священниками присягу—генералы, и солдаты, и граждане вмѣстѣ, гдѣ кто могъ присоединиться. И въ другихъ пунктахъ города собирали баттарейныя и другія команды и приводили къ присягѣ такимъ же порядкомъ. Сначала читанъ былъ манифестъ государя императора Александра Николаевича о смерти его августѣйшаго родителя, потомъ приказъ его же величества съ объявленіемъ войскамъ послѣдней воли покойнаго императора и наконецъ присяга.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Въ 9 часовъ утра былъ у меня квартальный надзиратель отъ имени Севастопольскаго полицмейстера предварить, чтобы я не отлучался изъ дому, ибо нужно будетъ приводить къ присягѣ. Спросивъ, слышалъ ли я о кончинѣ Государя Императора, и получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что этому слѣдовало быть по пророчествамъ. „Какимъ“? спрашиваю. „Греческимъ“, отвѣчаетъ: „гдѣ говорится о смерти въ это время великаго государя“. Квартальный—Грекъ, и я понялъ, о какихъ пророчествахъ говоритъ онъ. Богодухновенность и самая подлинность этихъ священныхъ для Грековъ пророчествъ (Агаѳангела) не доказана; однако многое и весьма многими—даже непростыми людьми, говорится въ пользу ихъ. Однажды (это было еще до осады) касательно этихъ пророчествъ я предложилъ многолѣтнему и высокаго сана старцу (изъ Грековъ) вопросъ, нѣтъ ли здѣсь подлога? Не представлены ли авторомъ будущими событія совершившіяся?—„Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ: „я имѣю эту книгу больше сорока лѣтъ, и на моихъ глазахъ исполнилось многое“; началъ исчислять политическія событія конца прошедшаго столѣтія и начала настоящаго и дошелъ, кажется, даже до Бельгіи. Въ настоящее время Греки ожидаютъ исполненія въ нихъ того, что̀ касается Греціи и Царяграда. Я знаю одного изъ нихъ такого пылкаго патріота и горячаго приверженца пророческой книги (онъ знаетъ ее наизустъ), который нешутя разсказываетъ, какъ онъ будетъ жить въ воскресшемъ своемъ отечествѣ и заранѣе распредѣляетъ настоящимъ своимъ имѣніемъ, что̀ въ церковь, что̀ друзьямъ на память—и все за счастіе (если увидитъ) отечества.

Весь день былъ ясный и теплый. На баттареяхъ непріятели могли замѣтить отсутствіе или малое число гарнизона, отозваннаго для принесенія присяги. Могли ли знать они притчину? Неизвѣстно; но переметчики, какъ говорятъ, случаются и съ нашей стороны. Въ арміи не безъ порочныхъ и. . . . . Подобные бѣглецы, конечно, не могутъ дать примѣра другимъ, ни тѣмъ болѣе пятнать вѣрность присягѣ Русскаго солдата.

3-го Марта. . . . . Къ вечеру, въ 5 часовъ, второй разъ посѣтилъ раненыхъ; на перевязочномъ пунктѣ нашелъ одного только новаго страдальца, раненаго въ руку. „Говѣлъ ли ты, другъ мой?“—„Благодаренье Богу, отговѣлся, какъ слѣдуетъ“, былъ отвѣтъ флотскаго унтеръ-офицера. Такіе отвѣты всегда даютъ раненые воины. Легче ему или очень трудно, а иной едва дышитъ, а на вопросъ, какъ твое здоровье? какъ себя чувствуешь? всегда прежде скажетъ: „Слава Богу, батюшка“, а потомъ уже скажетъ и что-нибудь о боли. Утѣшая страдальцевъ, я говаривалъ имъ; „Терпите, братцы, съ вѣрою. Обра-

щайтесь чаще мыслью къ Господу Іисусу, Который также имѣлъ на себѣ раны, принятыя за наши грѣхи. Не вы первые въ ранахъ; прежде васъ имѣлъ ихъ на себѣ Господь". Усвоивъ эти мысли, они сами повторяютъ ихъ и уже такъ отвѣчаютъ на вопросъ о здоровіи: „Чтожъ дѣлать? Нужно терпѣть. Господь терпѣлъ.... а мы грѣшные"... и проч.

4-ое Марта.... Говѣющихъ было въ церкви немного; исповѣдь (послѣ повечерія) окончена въ часъ. Кажется, трудное время настоящее имѣетъ большое вліяніе на насъ грѣшныхъ; въ кающихся слышно болѣе искренности и сокрушенія сердечнаго.

Вечеромъ посѣтилъ опять перевязочный пунктъ (что̀ въ домѣ Собранія), засталъ тамъ спокойствіе и тишину, чему утромъ было противное. Вновь раненыхъ поступило только три. Итого въ сутки было 73 раненыхъ, а не 80, какъ говорили утромъ. Это впрочемъ мало въ сравненіи съ 3 перевязочнымъ пунктомъ (съ Корабельной), гдѣ въ теченіе 3 дней раненыхъ постоянно около этого числа. Театръ войны вдругъ перенесенъ на Инкерманскую сторону, и тамъ стало больше потери.

5-го Марта. Утро и весь день холодно: дуетъ вѣтеръ сѣверный. Въ домѣ Собранія не было вновь раненыхъ. Счастливый день или лучше ночь, ибо неизвѣстно, что̀ будетъ къ вечеру. Всякій разъ входя въ этотъ домъ (прежде) веселія, нельзя не подивиться, какъ онъ удобенъ былъ тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ—домомъ плача. Это пріютъ для раненыхъ со всѣми удобствами, больному необходимыми. Прежде чѣмъ дойти до дверей залы, двери въ сѣняхъ сами затворялись за вами; вы не вносите къ больнымъ холоднаго воздуха. Главная зала, высоты въ два этажа, имѣетъ окна только вверху, отъ чего свѣтъ здѣсь для больныхъ умѣренный, воздухъ очищается, не подвергая ихъ сквозному вѣтру. Въ другихъ, меньшихъ залахъ голубые, малиновые и зеленые обои, все богатые, могутъ даже развлекать солдатика, не бывшаго никогда въ такихъ роскошныхъ палатахъ; могутъ, пожалуй, подчасъ заставить его забыться, что онъ въ лазаретѣ, и тѣмъ сократить иную минуту его страданій. Койки съ чистымъ на нихъ бѣльемъ и постелями, столики при каждой кровати и прочія принадлежности госпиталя, въ порядкѣ содержимыя сестрами, все это расположено съ такимъ удобствомъ и искусствомъ, что, при большомъ размѣрѣ залъ, составляетъ даже красоту своего рода. Всѣхъ кроватей здѣсь 182. Операціонная зала (прежде билліардная) весьма удобна для своего назначенія, какъ по вмѣстимости, такъ и по освѣщенію. Для дежурства медиковъ и сестеръ есть особые покои, и все это подъ рукой. Это прекрасно! И лучше ходить въ домъ плача, нежели веселія, говоритъ Премудрый.

Въ Инженерномъ домѣ и также въ домѣ Гущина и Орловскаго я засталъ тѣхъ же больныхъ, старыхъ знакомыхъ, кои всѣ, прежде чѣмъ подверглись врачеванію тѣла, уврачевали душу. Итакъ, кромѣ одного посѣщенія, я не имѣлъ сегодня случая услужить чѣмъ-либо раненымъ воинамъ. Потому мнѣ весьма пріятно было услышать отъ молодаго раненаго солдатика, что ему хотѣлось бы яблокъ, и услужить въ этомъ.

10-го Марта. Пока благодареніе Богу! На перевязочномъ пунктѣ и въ это утро я засталъ покой. Въ домѣ Орловскаго*) для одного больного служилъ молебенъ, другого исповѣдалъ и пріобщилъ. Раненый матросъ предложилъ мнѣ за молебенъ деньги. Обыкновенно я совѣтую эти лепты обращать на масло для лампадки въ ихъ же палаткахъ, и я еще ни отъ кого не принималъ. При этомъ я имѣлъ въ виду между прочимъ и то, что не имѣющіе копейки не посмѣли бы обратиться съ просьбой помолиться за нихъ, если бы видѣли, что я принимаю за это деньги, какъ и дѣйствительно въ этомъ я не ошибся. Но на этотъ разъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны больного и долженъ былъ уступить. Больной до того обидѣлся, что у него навернулись слезы. Таковъ уже взглядъ утвердился у простыхъ людей, что если священнику ничего не дать, то и молитва Богомъ не принята.

Сегодня съ новоприбывшими для службы во флотъ іеромонахами получены отъ преосвященнаго архипастыря нашего, неусыпно пекущагося о духовныхъ нуждахъ паствы своей, „во обстояніи сущей“, списки Каспе́ровской иконы Богоматери для раздачи по бастіонамъ и баттареямъ и также списки образа священномучениковъ, въ Херсонисѣ епископствовавшихъ.

17-го Марта....

Отъ адъютанта слышалъ, что Французы во время уборки тѣлъ (послѣ дѣла съ 10-го на 11-ое Марта) не могли надивиться нашей сѣрой формѣ—общей для генерала и солдата; они хвалились, что объ этомъ думаютъ и у нихъ, и одинъ баталіонъ будто бы одѣтъ уже подобнымъ образомъ. Нельзя было не замѣтить, что непріятели, прежде чѣмъ подняли переговорный флагъ, приготовились къ свиданію: всѣ у нихъ были въ чистомъ платьѣ, офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ, все до мелочи было на нихъ щеголевато, какъ будто не ими рыты траншеи, изъ которыхъ высыпали, какъ муравьи. Интересны, говорятъ, были любезности нашихъ удалыхъ матросовъ съ Французскими солдатами. Матросъ предлагаетъ Французу съ рожка табаку, тотъ угощаетъ его ромомъ; матросъ пьетъ кружку, затѣмъ другую—третью, и осушаетъ

*) Временный госпиталь.

фляжку къ удивленію Француза, для котораго это была дневная порція. За бесѣдою, конечно, непонятною, начинались болѣе понятныя лобзанія. „Ужели у васъ матросы доселѣ на баттареяхъ?“ спрашивали Французы, „Да много ли у васъ этихъ молодцовъ?“ Имъ отвѣчали, что съ 14 кораблей, и еще есть, слава Богу, сколько нужно.

18-го Марта....

Вечеромъ посѣтилъ больныхъ въ двухъ мѣстахъ. Въ Инженерномъ домѣ медики и сестры, служившіе раненымъ, пріобрѣли такую извѣстность и любовь у своихъ паціентовъ, что раненые, переведенные отсюда въ Николаевскую баттарею (госпиталь, устроенный въ этомъ огромномъ зданіи) просятся назадъ. Сегодня двое изъ такихъ возвратились изъ Николаевской баттареи, и одинъ перепросился изъ Александровскаго госпиталя.

19-го Марта. Утро пасмурное, холодное и съ небольшимъ дождемъ. Отъ пальбы спокойно. Служилъ молебенъ на перевязочномъ пунктѣ для одного изъ раненыхъ. Уставъ бороться съ благодарностью раненыхъ, сталъ наконецъ принимать ихъ лепты и передавалъ уже тайно сестрамъ для обращенія на масло для лампадокъ въ палатѣ или же самихъ же больныхъ. Въ Инженерномъ домѣ исповѣдалъ и пріобщилъ двухъ трудно-больныхъ, кои посему пожелали того уже въ другой разъ. Еще напутствовалъ одного (ибо, кажется, не жить ему) въ домѣ Гущина. И отъ этого больного услышалъ тяжко выраженную скорбь, что денегъ у него нѣтъ (т. е. чтобы дать священнику). Ожидайте-жъ отъ больныхъ, при такомъ образѣ мыслей, чтобъ они сами сказали: хочу исповѣдаться и пріобщиться? Нѣтъ, съ такими необходимо обращаться, какъ съ дѣтьми, не умѣющими говорить, коихъ желаніе нужно предупреждать, угадывать, выспрашивать. Только-что возвратился домой, просятъ къ больной дамѣ, пожелавшей исповѣди и Св. Таинъ. Она жаловалась на трудность настоящаго положенія. Дома, подъ выстрѣлами, хотя доселѣ хранима Богомъ, больная окружена дѣтьми и, какъ видно, всѣми достатками: мужъ на службѣ военной, которую трудно теперь соединить съ попеченіемъ о семействѣ; готова бы выѣхать куда-либо, но беременна, и дни для ней послѣдніе. Боже мой! Сколько здѣсь теперь скорбей и слезъ, которыя не для всѣхъ видимы. Осадное положеніе не помѣшало намъ сегодня разжиться и вербою, и мы совершали крестный ходъ съ ваіями, какъ и въ обыкновенное время.

Слышу, что прибыли къ намъ сестры 4-го отдѣленія и устраиваются въ Александровскомъ госпиталѣ (въ морскихъ казармахъ, что̀ на Корабельной). Рѣшительно не имѣю минуты, чтобы побывать тамъ, а увѣренъ, что все пойдетъ тамъ непремѣнно къ лучшему.

20-го Марта. Недѣля Ваій. На утрени, хотя церковь была наполнена преимущественно солдатами, при раздачѣ вербы тотъ же былъ безпорядокъ и шумъ. Вездѣ у православныхъ есть терпѣніе, въ однихъ храмахъ Божіихъ нѣтъ его. Что бываетъ при раздачѣ вербы, артоса, въ навечеріи Богоявленія, при освященіи воды въ одномъ годѣ, то и всегда: всякій хочетъ здѣсь упредить другого.

Послѣ утрени имѣлъ время сходить только напутствовать на перевязочный пунктъ, гдѣ впрочемъ не нашелъ особаго занятія. Дежурныя сестры сожалѣли, что не могли быть къ утрени, и звонъ, бывшій въ 4 часа, только напомнилъ, чего онѣ лишаются, т. е. вербы. Возвратившись домой, я тотчасъ послалъ имъ пучекъ праздничныхъ вѣтвей, съ тѣмъ чтобы удѣлили ихъ и другимъ сестрамъ.

Во время обѣдни церковь была полна, конечно, всякихъ воиновъ, преимущественно матросовъ и солдатъ. Стоялъ въ алтарѣ Крестовоздвиженской общины іеромонахъ Веніаминъ, котораго очень мнѣ хотѣлось пригласить къ себѣ и познакомиться съ нимъ поближе. Но онъ не имѣлъ времени обождать, а я задержанъ былъ въ церкви исправленіемъ требъ. Онъ спѣшилъ видѣться съ вновь прибывшими сестрами 4-го, вѣроятно, отдѣленія: онѣ только что прибыли въ Севастополь.

Послѣ обѣдни, проходя къ больному имяннику, о. Лазарю, еще однажды зашелъ на перевязочный пунктъ, гдѣ засталъ больныхъ за обѣдомъ; пусть кушаютъ на здоровье. На пути слышалъ отъ штурманскаго офицера, что вчера непріятели чрезъ парламентера просили нашего согласія по случаю праздника Пасхи (который въ этомъ году у нихъ совпалъ съ нашимъ?), на перемиріе на три дня. Въ Корабельной разсказывали даже, что отвѣчалъ на это князь Горчаковъ. Именно: „основываясь на политикѣ Англичанъ и Французовъ, какъ поступили они въ это время въ Одессѣ, онъ не можетъ довѣрить ихъ слову“.

Тамъ же слышалъ я, что планъ князя Горчакова, который скоро приведенъ будетъ въ исполненіе, состоитъ въ томъ, чтобы ударить на непріятелей съ Чоргуня и завладѣть Сапунъ-горой, для чего будетъ сдѣлано прежде движеніе съ Севастополя, чтобы отвлечь отъ Чоргуня Англичанъ. Для этого князь Горчаковъ съ своей главной квартирой переходитъ на Чоргунь.

Еще—какъ о невѣроятномъ случаѣ—разсказывали о побѣгѣ 10-ти матросовъ съ однимъ.... офицеромъ. Четверо изъ нихъ Поляки:—это понятно. Прочихъ нечѣмъ защитить. Къ утѣшенію есть и лучшій примѣръ: унтеръ-офицеръ, взятый при вылазкѣ въ плѣнъ, съ опасностью жизни нашелъ случай возвратиться къ намъ. Унтеръ-офицеръ

весьма дѣльный и многое интересное могъ сообщить князю Горчакову, который наградилъ его тремя стами рублей и обѣщалъ офицерскій чинъ.

Еще изъ того же источника: при поднятіи 12-го Марта переговорнаго флага, когда наши съ врагами ходили переговариваться не какъ съ врагами, матросъ повелъ туда и своего маленькаго сына. Французъ далъ мальчику монету и приглашалъ идти къ нимъ. „Нѣтъ—отвѣчалъ матросенокъ—пойдемъ къ намъ“.

Вечеромъ былъ я у старца-митрополита Агаѳангела, ради его собственнаго дѣла, и между прочимъ предложилъ ему церковный вопросъ настоящаго времени: когда быть въ Великій Пятокъ выносу плащаницы, такъ какъ по случаю праздника Благовѣщенія въ этотъ день должна быть литургія, а по уставу субботняя вечерня полагается послѣ царскихъ часовъ, предъ литургіей? Ужели предъ литургіей, какъ выносъ плащаницы обыкновенно бываетъ на вечернемъ богослуженіи? Или послѣ литургіи, которая во всякомъ случаѣ должна совершиться раньше вечерняго времени, и даже до полудня? Изъ Пасхаліи, начинающей съ 1808 года, видно, что это первый случай такого стеченія въ подвижныхъ праздникахъ, а потому это обстоятельство по новости есть, дѣйствительно, для всѣхъ вопросъ.

21-го Марта. Утро посвятилъ службѣ на перевязочномъ пунктѣ. Для солдата-католика, за неимѣніемъ ксендза, чтобы исповѣдать и пріобщить этого раненаго, я отслужилъ, по его желанію, молебенъ. Пріобщая одного больного, который вечеромъ еще объявилъ на то свое желаніе, возбудилъ желаніе и въ другомъ, который хотя и говѣлъ недавно, но пожелалъ и теперь укрѣпить себя „хлѣбомъ животнымъ“.

Потомъ служба церковная и служебная.... Почти ни съ кѣмъ не видѣлся и ничего особеннаго не слышалъ.

Вечеромъ побывалъ еще однажды на перевязочномъ пунктѣ и еще встрѣтился съ инвалидомъ, отыскивающимъ священника для отпѣванія умершихъ солдатъ: такъ внимательны армейскіе священники къ своей обязанности, которую сами отняли у іеромонаховъ. Спрашивается: чѣмъ же заняты они? Ровно ничѣмъ. Только и было у нихъ чрезъ цѣлый годъ одно занятіе, пока говѣли солдаты. На перевязочномъ пунктѣ и въ госпиталяхъ, мною посѣщаемыхъ, теперь ранены большею частью изъ солдатъ и разныхъ полковъ; но никогда я не встрѣчался тамъ съ какимъ-либо полковымъ священникомъ, чтобы пришелъ навѣстить своего солдата. Они, кажется, также съ ними мало знакомы, какъ я, не принадлежащій полку. Между тѣмъ офицеры приходятъ навѣстить своихъ солдатъ.

22-го Марта. Сегодня теплѣе вчерашняго (первые три дня были очень холодны). Больныхъ только посѣтилъ, но служить имъ не представилось потребы.

Получена сегодня почта, напр., изъ Одессы, отъ 20-го Марта. Петербургская почта тоже, почти чрезъ мѣсяцъ, получена въ одинъ разъ. Едва мы узнали, что̀ дѣлается вокругъ насъ. Носился слухъ, что Наполеонъ прибылъ въ Крымъ, къ своей арміи. Теперь изъ газетъ видимъ по крайней мѣрѣ, что онъ выѣхалъ туда. Сегодня мимоходомъ слышалъ я, что и матросы разсуждали о Наполеонѣ, какъ пріѣхавшемъ.

Служеніе Страстной седмицы, если бы не случилось нѣсколько десятковъ солдатъ, вышедшихъ изъ госпиталей и теперь говѣющихъ, было бы почти безъ слушателей, между тѣмъ какъ бывало въ мирное время церковь едва едва вмѣщала молитвенниковъ, и притомъ на половину людей высшаго общества.... Впрочемъ, какъ утреня бываетъ вечеромъ, то, кажется, освѣщеніе церкви привлекаетъ немалое число и мимоходящихъ, которые потомъ и остаются въ церкви и до конца служенія.

Четвертый бастіонъ затихъ совершенно, какъ и непріятели противъ него замолчали. Въ дѣйствіи дневномъ и ночномъ Корниловъ бастіонъ и редуты: Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій, также бастіоны №№ 1 и 2 и 3, вообще вся Инкерманская или юго-восточная сторона.

Слышалъ, что сестры 4-го отдѣленія уже устроились въ Александровскомъ госпиталѣ. Рѣшительно не имѣю минуты, чтобы побывать тамъ. Любопытно видѣть, какъ все тамъ непремѣнно должно пойти къ лучшему. День сухой и теплый, только съ вѣтромъ.

23-го Марта. Утромъ стало извѣстно, что ночью убиты въ траншеяхъ: капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ, старшій и лучшій сынъ вице-адмирала Серебрякова, Сахаровъ, отличный офицеръ, и контуженъ лейтенантъ Лазаревъ. Предъ разсвѣтомъ былъ слышенъ частый огонь пушечный и батальный, какъ будто на Черной рѣчкѣ и продолжался часа два. Не было ли тамъ какого дѣла?

Больные многіе поправляются, нѣкоторые ходятъ, новыхъ поступаетъ мало, всѣ недавно отговѣли; потому священнику службы, при посѣщеніи ихъ, особенной не представляется, кромѣ отпѣванія умершихъ, что̀ на мнѣ не лежитъ. Итакъ и сегодня больные не дали мнѣ труда.

Сегодня снабдилъ трехъ іеромонаховъ плащаницами для бастіоновъ (порадовался я такой христіанской заботливости флотскихъ командировъ о своей командѣ), двухъ іеромонаховъ—потирами, для пріобщенія тѣхъ

изъ команды, кои почему-либо не успѣли еще отговѣть, и роздалъ чрезъ тѣхъ же іеромонаховъ для семи батальоновъ и редутовъ присланныя отъ его высокопреосвященства (архіепископа Иннокентія) списки иконы Богоматери Касперовскія. Нѣтъ, впрочемъ, у насъ и маленькой баттареи, гдѣ бы не было знамени вѣры. Едва успѣли гдѣ насыпать валъ небольшой, ставятся орудія, ставится тутъ же въ нишѣ икона святаго и теплится лампадка.

Вечеромъ, окончивъ исповѣдь, поспѣшилъ навѣстить больныхъ сестеръ, изъ коихъ двѣ (въ томъ числѣ и начальница) пожелали завтра пріобщиться. Служба всенощная, благодареніе Богу, идетъ безъ тревоги отъ выстрѣловъ. Изъ-за Корабельной сюда не достигаютъ, кромѣ ракетъ, которыхъ давно съ той стороны не бросаютъ.

24-го Марта. День, какъ и вчерашній, теплъ и безвѣтренъ.

Въ 7 часовъ исповѣдалъ и пріобщилъ начальницу сестеръ, Бакунину и исповѣдалъ только сестру одну; потомъ медика больного, состоящаго въ штатѣ общины, также исповѣдалъ и пріобщилъ. Приготовилъ и послалъ письмо въ Георгіевскій монастырь о. архимандриту Геронтію, при которомъ на плѣнную братію, къ празднику Пасхи, артосъ, пасху и 2 десятка красныхъ яицъ. Затѣмъ былъ въ церкви, изъ которой или отъ службы церковной возвратился въ первомъ часу. Пилъ чай и читалъ вмѣстѣ полученныя сегодня бумаги, письма и газеты. Затѣмъ приходитъ одинъ іеромонахъ, съ которымъ нужно было поговорить, потомъ другой—и для того полчаса времени. Отъ сего, т. е. отъ Іова слышалъ, что іеромонахъ Никандръ*), бывшій духовникомъ его высочества въ настоящую четыредесятницу получилъ крестъ, украшенный брилліантами, на золотой цѣпочкѣ, но тоненькой. Говоритъ, что великіе князья не благодарили его деньгами, и потому этотъ крестъ данъ ему не какъ знакъ отличія, а какъ даръ. Отъ того же іеромонаха слышалъ, будто-бы, по словамъ Французскаго парламентера, архимандритъ Георгіевскаго монастыря и братія, находящіеся въ плѣну у Французовъ, получаютъ отъ нихъ на содержаніе свое жалованье: архимандритъ—по чину полковника, а іеромонахи—по капитанскому чину.

Въ 7 час. вечера благовѣстъ къ богослуженію Страстей Христовыхъ, которому въ 8 час. открывшійся сильный огонь за Корнилова бастіономъ придалъ характеръ и другихъ страстей. Громъ орудій поражалъ слухъ молящихся, а молнія огня этого, блиставшая въ окнахъ

*) Отецъ Никандръ (позднѣе архимандритъ) былъ приглашенъ княземъ С. М. Воронцовымъ (который тоже былъ раненъ подъ Севастополемъ) въ Алупку настоятелемъ тамошней, нынѣ разрушенной, церкви. Онъ былъ изъ купеческаго званія. Онъ оставилъ по себѣ отлично-добрую память. П. Б.

церкви, поражала и зрѣніе внимавшихъ чтенію Страстей Христовыхъ. Благодареніе Богу, пальба пушечная скоро смѣнилась штуцерною, потомъ замолкла и послѣдняя. Церковь была полна военнаго народа. Значитъ, кто имѣетъ усердіе, всегда можетъ улучить часъ на молитву, какія бы обстоятельства и обязанности ни ограничивали его. Офицеры, впрочемъ, часто выходили изъ церкви и прислушивались, не бьютъ-ли тревогу.

25-го Марта. Великій Пятокъ и праздникъ Благовѣщенія. Совпаденіе великаго праздника съ великимъ днемъ скорби для церкви и христіанъ было очень давно, по крайней мѣрѣ никто не могъ припомнить этого случая. Потому, уже за недѣлю встрѣчали священниковъ вопросами: какъ это будетъ? А священники повторяли этотъ вопросъ другъ другу. Ибо хотя въ уставѣ на такой случай и есть особый уставъ, но тамъ ничего не сказано объ выносѣ плащаницы, что̀ въ Россіи бываетъ въ Пятокъ, а не въ Субботу только, какъ говорится въ уставѣ. Въ своей церкви я разсудилъ прежде отдать честь празднику, которому и была совершена въ свое время литургія и въ облаченіи свѣтломъ, вечерню же Великой Субботы, которая по уставу поставлена предъ литургіей, я оставилъ вечернему времени, къ которому православные обвыкли собираться на выносъ плащаницы. Достойно замѣчанія обстоятельство: послѣдніе дни предъ Пасхой, обыкновенно, люди бываютъ заняты суетливымъ приготовленіемъ къ празднику и при царскихъ часахъ (богослуженіи весьма важномъ) храмы бываютъ почти пусты; теперь же праздникъ Благовѣщенія привлекъ слушателей къ царскимъ часамъ, предшествовавшимъ литургіи.

Въ вечернемъ богослуженіи, при выносѣ плащаницы, тоже очень довольно было молящихся. Слово мое старалось указать слушателямъ приличествующее чувство въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ нынѣ предстоимъ мы гробу Господню, оглашаемые въ одинъ и тотъ же день и гласомъ архангела-благовѣстника, и гласомъ надгробнаго пѣнія церковнаго благовѣствованному архангеломъ Сыну Божію, и гласомъ громовъ вражескихъ.

Впрочемъ, въ послѣдніе два дня Страстной седмицы, злоба вражеская, казалось, затихла. На перевязочныхъ пунктахъ немного было раненыхъ. Дни были очень теплые. Въ палатахъ больныхъ окна были открыты, чтобъ очистить ихъ воздухомъ свѣжимъ. Иные бѣлили и мыли полы, а больные, кто могъ, бродилъ по двору, глазѣли на свѣтъ Божій, который рады были видѣть, и на людей; совершенно безсильные лежали на койкахъ, среди двора.

Суетливости въ городѣ особой не было замѣтно, какъ это бываетъ предъ праздникомъ. Многихъ занималъ вопросъ: какъ обойдутся съ нами въ праздникъ враги наши, у которыхъ также въ этомъ году праздникъ Пасхи совпалъ съ нашимъ стилемъ?

26-го Марта. Великая Суббота. Къ утрени благовѣстъ былъ въ 2 часа ночи. Пришедши въ церковь чрезъ четверть часа послѣ благовѣста, я уже засталъ тамъ пришедшихъ помолиться, въ томъ числѣ и военныхъ, офицеровъ. Можно, очень можно, во всякую стражу и при трудныхъ обстоятельствахъ воздать Божія Богови и Кесарева Кесареви. „Непорочны“ и канонъ были кончены до разсвѣта, и поелику къ темнотѣ ночной присоединился и туманъ, то обхожденіе съ плащаницей вокругъ церкви, хотя освѣщеніе при этомъ было немалое, едва-ли было замѣчено врагами. Замѣчательно, что это освѣщенное шествіе не было встревожено даже ни однимъ выстрѣломъ пушечнымъ. Звонъ колоколовъ при этомъ былъ, какъ обыкновенно, погребальный.

По окончаніи утрени, прилучившемуся армейскому священнику я исповѣдалъ предъ Богомъ грѣхи свои. Благодарю Господа, не погубившаго меня въ моихъ беззаконіяхъ и давшему время на покаяніе мое, по крайней мѣрѣ устное. Буду-ли лучше отъ сей поры, одинъ Господь вѣдаетъ. Затѣмъ раздробилъ я агнецъ, приготовленный въ запасъ и просушилъ Дары Святые.

Въ 7 часовъ посѣтилъ сестеръ общины Крестовоздвиженской, изъ коихъ одна, больная, требовала меня еще вечеромъ, но по встрѣтившемуся мнѣ важному препятствію я не могъ быть тамъ вчера. Больную засталъ я дѣйствительно въ недугѣ, но болѣе душевномъ, нежели физическомъ. Какъ ни высока цѣль общины, какъ ни тщательно сдѣланъ для нея выборъ лицъ, какія бы мѣры къ соблюденію въ общинѣ духа мира и любви ни были приняты, но поелику лица не изъяты отъ недостатковъ человѣческихъ, то неизбѣжны бываютъ и нѣкоторые недостатки или немощи въ самой общинѣ. Бываютъ характеры отъ природы, въ которыхъ люди не сходятся; присоедините къ сему разность происхожденія, разность воспитанія и разность лѣтъ; возьмите во вниманіе и то обстоятельство, что община таковыхъ лицъ составлена наскоро, и вы поймете, что въ прекрасной по цѣли этой общинѣ жизнь не возможна безъ нѣкоторой тѣни. Къ счастью, усердіе сестеръ въ служеніи больнымъ такъ велико и у всѣхъ ихъ эта черта такъ обща, что она служитъ самымъ крѣпкимъ союзомъ общины. Смотря на сестеръ въ ихъ службѣ, нельзя и подозрѣвать, чтобы въ ихъ общинѣ былъ какой недостатокъ въ согласіи или любви. Его можно замѣтить лишь изъ разговоровъ съ сестрами, кои хотятъ духовному отцу открыть

свою печаль. Изъ этого источника стало мнѣ извѣстно, что званіе начальницы отдѣленія есть у нихъ предметъ тщеславія и для одной— предметъ искательства, что для сихъ начальницъ старшинство начальницы всей общины М. С. какъ будто не по душѣ, что младшія сестры не съ одинаковой охотой дежурятъ въ томъ или въ другомъ мѣстѣ, инымъ хотѣлось бы быть именно на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ чаще бываетъ начальство, гдѣ всегда посѣтители и свидѣтели ихъ сердоболія. Мнѣ кажется (въ чемъ сознавалась одна сестра), что подавляется чистое усердіе къ страждущему иногда тѣмъ побужденіемъ въ служеніи, да „видими будутъ предъ человѣки“. Если бы ту-же сестру, которая при свидѣтеляхъ такъ неутомима въ служеніи больнымъ, обречь на этотъ трудъ гдѣ-либо въ уединенномъ мѣстѣ, думаю, не стало бы той энергіи. По крайней мѣрѣ я знаю, что одна сестра обижалась тѣмъ, что ей не хотѣли поручить дежурства на перевязочномъ пунктѣ. Къ этой-то сестрѣ я и пришелъ въ это утро. „Что, вы не здоровы“?—„Ахъ, батюшка, меня всѣ обижаютъ. Я не могу переносить этого“ и проч. и проч. Уже не въ первый разъ мнѣ это слышать отъ нея. Сестра сама причиной, что по несчастному характеру своему нарывается на обиды и нерѣдко вынуждаетъ ихъ. Добрая христіанка, богомольная, но терпѣнья не имѣетъ ни капли. Не трудно повтореніемъ смѣшныхъ капризовъ и претензій потерять уваженіе у подругъ и войти между ними въ притчу. Пораженное самолюбіе обращается въ горячку душевную, отъ которой не можетъ не горѣть и тѣло. Оказалось, что больная нуждалась не въ исповѣди и причастіи, къ чему въ тревожномъ своемъ состояніи была не способна, а во вразумленіи, которымъ едва нѣсколько успокоилъ ее. Вечеромъ посѣтилъ ее опять и засталъ хотя въ постели, но въ расположеніи души довольно спокойномъ. Утромъ исповѣдалъ говѣвшую сестру одну. Въ госпиталѣ предъ праздникомъ почти не представлялось занятій; на перевязочномъ пунктѣ тоже было нелюдно. Вечеръ, какъ и день весь, предъ Пасхой былъ тихій и теплый. На рынкѣ суетились запастись для праздника хлѣбомъ и не находили его: ибо закупали еще въ печи. Но въ чемъ было совершенное отсутствіе, такъ это въ ягненкахъ и поросенкахъ. Пасхальные столы рѣдко были съ агнцемъ.

27-го Марта. Пасха. Ночь провели мы въ тревожномъ ожиданіи, какова будетъ она и какъ встрѣтимъ праздникъ. Молящихся у плащаницы и внимавшихъ чтенію Дѣяній Апостольскихъ было далеко меньше, чѣмъ въ обыкновенные годы. Нѣсколько разъ звали меня въ церковь, для освященія пасохъ на баттареи и бастіоны. Каждый готовился встрѣтить праздникъ на своемъ посту, когда нельзя было въ своемъ домѣ. Благовѣстъ къ пасхальной утрени былъ въ 12 часовъ ночи, одно-

временно во всѣхъ церквахъ. Внѣшняго освѣщенія на храмахъ не было, о чемъ г. губернаторъ счелъ нужнымъ предупредить духовенство. Пришедши въ церковь, я засталъ ее уже полною народа, конечно, военнаго. Впрочемъ, начальство все было въ Михайловской церкви; у насъ выше полковниковъ никого не было. При обычномъ вокругъ церкви обхожденіи, съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“..., мы не были тревожимы выстрѣлами, хотя освѣщеніе отъ свѣчъ въ рукахъ народа было немалое. Можетъ быть, непріятели, у коихъ также былъ теперь тотъ-же праздникъ, не думали о насъ; но крайней мѣрѣ мы не могли не думать о нихъ, зная изъ прошлогодняго праздника Одесскаго. Благодареніе Богу, для перваго дня опасенія наши миновали.

Намъ, приходскимъ священникамъ, некуда было ходить, съ праздничнымъ обычнымъ христославленьемъ. Городъ давно пустъ отъ нашихъ прихожанъ, кто же изъ гражданъ по торговымъ занятіямъ оставался въ Севастополѣ, то и тѣ по случаю праздника выѣхали къ семействамъ въ Симферополь.

Я посѣтилъ вмѣсто того раненыхъ, которымъ это чрезвычайно отрадно было. Въ то время (въ 8 часовъ утра) шла ихъ перевязка. Посѣтилъ и сестеръ Крестовоздвиженской общины въ ихъ квартирѣ.

День былъ не совсѣмъ ясный, вѣтреный и предвѣщавшій перемѣну погоды.

Въ непріятельскихъ траншеяхъ сидѣли съ ночи и весь этотъ день Турки, которые производили пальбу весьма частую, даже залпами, когда на нихъ никто не нападалъ. Полагаютъ, что это они дѣлаютъ изъ трусости. Была пальба и пушечная, но не частая. Съ нашей стороны стрѣляли лишь по необходимости. У Французовъ въ продолженіи всего дня слышны были музыка и пѣніе. Они праздновали Пасху, предоставивъ насъ Туркамъ.

28-го Марта. Второй день Пасхи. По вчерашнему дню можно было на сегодня ожидать дождя; дѣйствительно, онъ начался еще до разсвѣта, съ ночи. Но утромъ, предъ благовѣстомъ къ утрени, полился на насъ и другой дождь—огненный. Онъ шелъ съ небольшими промежутками и днемъ, и ночью въ продолженіи 10 дней. Бомбардировку непріятели одновременно открыли по всей линіи баттарей отъ Херсонеса до Инкермана по Севастополю. Хотя флотъ не принималъ участія въ бомбардировкѣ, но громъ орудій, трескъ лопавшихся бомбъ и визгъ ядеръ живо представляли ужасъ 5-го Октября, несмотря на то, что въ теченіи полгода мы привыкли ко всякому страху. Дождь и сырость ослабляли теперь эффектъ, но они же придавали ему что-то другое, особенное, съ ненастьемъ погоды гармонировавшее и наводившее уны-

ніе на душу. Церковь, вчера полная, сегодня, на второй день праздника, вдругъ опустѣла. Во время утрени, отъ близкаго взрыва бомбы, въ церкви произошло такое сотрясеніе, что, стоя у престола, я почувствовалъ подъ ногами сотрясеніе пола. Въ надеждѣ на покровъ небесный, мы продолжали, какъ и прежде, богослуженіе безостановочно и своевременно во всѣ дни бомбардировки. Одно ядро ударило въ карнизъ церкви и, нанесши язву храму, отлетѣло въ садъ, другое на излетѣ легло у порога церковнаго дома, въ которомъ имѣю квартиру. Въ самой квартирѣ моей отъ взрыва другой бомбы, близъ саду лопнувшей, въ четырехъ окнахъ разбиты стекла.

Что было въ эти дни на бастіонахъ и баттареяхъ? Тѣже громы съ нашей стороны, какъ и въ первую бомбардировку, только съ вѣрнѣйшимъ расчетомъ и потому рѣже, чѣмъ иногда выстрѣлы непріятельскіе. Наученные опытомъ, наши моряки-артиллеристы не спѣшили удивить врага частымъ огнемъ, а вѣрнымъ прицѣломъ наносили вѣрный вредъ непріятелю. Нѣкоторыя изъ баттарей непріятельскихъ уже въ первый день замолкли; нѣкоторыя изъ ближайшихъ, вновь ими построенныхъ, будучи сбиты, не открывали потомъ огня; враги опять принялись съ баттарей прежнихъ, находящихся на дальнѣйшемъ разстояніи.... Противъ Корниловскаго бастіона, у Англичанъ взорванъ на воздухъ пороховой погребъ, чѣмъ нанесенъ ударъ и самой баттареѣ. У 4-го и 5-го бастіоновъ взорвано непріятелями нѣсколько контръминъ, не безъ вреда для людей, но безъ всякаго для бастіоновъ, къ которымъ враги успѣли подступить своими подкопами на весьма близкое разстояніе. На 5 и 6 бастіонѣ у насъ взорвало по небольшому пороховому погребу, но къ счастью безъ значительнаго вреда.

Въ снарядахъ непріятельскихъ замѣчена была и особенность. Ядра были и коническія, которыя летятъ съ гораздо большею быстротою и сильнѣе пробиваютъ стѣны и во что попадаютъ. Бомбы оказывались начиненными, кромѣ пороха, и свинцовыми пулями.

Надъ южной бухтой, противъ устроеннаго нами изъ военныхъ судовъ моста, непріятелями устроена особая баттарея, которою усиливались потопить этотъ мостъ. Потопили четыре судна въ нѣсколько дней. На затопшемъ суднѣ ставили ночью баржи, и народъ на зло врагамъ продолжалъ ходить по мосту, пока наконецъ не сбита была сама баттарея, вредившая мосту. Когда устроили другой мостъ выше перваго и внѣ выстрѣловъ, то суда, составлявшія первый мостъ, вывели въ доковую бухту. Новый мостъ изъ плотовъ на бочкахъ; онъ идетъ отъ новаго или Лазарева адмиралтейства къ казармамъ рабочихъ эки-

пажей. По этому новому мосту уже ходили 15 Апрѣля. Но и на немъ убито три человѣка.

Что было въ городѣ, или съ городомъ во время этой пасхальной бомбардировки? Новыя баттареи непріятельскія, съ которыхъ какъ бы съ намѣреніемъ прежде не открывали огня, устроены были на такихъ пунктахъ, съ которыхъ громили именно тѣ мѣста въ городѣ, гдѣ жители доселѣ считали себя сколько нибудь безопасными и потому оставались на жительствѣ. Потому отъ мала до велика все было вдругъ объято ужасомъ и, спасая жизнь, пробиралось къ Екатерининской пристани, чтобы оттуда (уйти) на Сѣверную. Преимущественно на улицахъ замѣтно было бѣгство женскаго пола съ дѣтьми и узлами. Въ Николаевской баттареѣ я встрѣтилъ потомъ цѣлый лазаретъ раненыхъ женщинъ и дѣтей. Тутъ лежали цѣлое семейство несчастное: мать, два сына-мальчика, третій убитъ, и дочь придавленная камнями разбитой хижины. Одна бѣдная женщина лишилась ноги, собирая щепки у шлаугбаума. Въ Александровскихъ казармахъ, занятыхъ подъ госпиталь и гдѣ находился 3-й перевязочный пунктъ, медику оторвало руку и контузило одну сестру общины Крестовоздвиженской.

Тамъ былъ слѣдующій замѣчательный случай, о которомъ мнѣ разсказывалъ смотритель сухопутнаго госпиталя, Шаіевъ. Бомба, пробивши въ зданіи крышу и потолокъ, и не причинивши въ 25-й палатѣ, куда попала, никакого вреда больнымъ въ этомъ этажѣ, вышла въ окно и тамъ отъ земли, гдѣ ударилась, вѣроятно объ камни, сдѣлавъ рикошетъ, попала въ окно, въ подвалъ четвертаго этажа, того-же зданія, гдѣ скрывавшую мать лишила трехъ дѣтей. Малюточкѣ оторвало головку, и смотритель со слезами на глазахъ разсказывалъ объ этой ангельской головкѣ съ бѣлокурыми кудрями. Были несчастные случаи и въ Корабельной слободкѣ. Убиваетъ мать, а грудной ребенокъ остается живымъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго случая на первомъ перевязочномъ пунктѣ въ городѣ. Сердоболіе сестеръ, питавшихъ грудного ребенка коровьимъ молокомъ, не продлило жизни пораженнаго малютки: онъ скоро скончался. Такіе случаи несчастные побудили полицію повторить понудительныя мѣры преимущественно противъ женскаго пола объ удаленіи ихъ изъ города. Между прочими мѣрами принята та, что женщинъ, коль скоро зачѣмъ либо переѣхали на Сѣверную сторону, назадъ въ городъ не стали перевозить. А на Сѣверной—привозъ и главный теперь рынокъ, такъ что довольно многимъ есть интересъ переплыть на Сѣверную и потомъ быть тамъ задержаннымъ. Этотъ женскій полъ преимущественно жены матросовъ и ихъ удалое племя. Духъ свой моряки передали и своимъ женамъ, которыя показали безстрашіе

свое не однимъ пребываніемъ въ городѣ бомбардируемомъ, но и особенными примѣрами того. Именно въ Октябрьскую бомбардировку онѣ посѣщали своихъ мужей на бастіонахъ и баттареяхъ (одна же 5-го Октября цѣлый день носила на 4-й бастіонъ воду для питья, подносила и ядра); такъ и теперь, даже на 2-й день праздника Пасхи, являлись къ мужьямъ съ праздничнымъ обѣдомъ изъ дому (это мнѣ разсказывалъ офицеръ съ 3-го бастіона, какъ очевидецъ). Слышенъ и виденъ еще одинъ родъ безстрашныхъ женщинъ, остающихся въ городѣ, о которыхъ не знаю, что сказать болѣе, какъ то, что онѣ задержаны самимъ дьяволомъ, который и здѣсь имѣетъ жатву и злыхъ дѣлателей своихъ. Впрочемъ и на Сѣверной, гдѣ ищутъ безопасности, слышно, не безопасно отъ ракетъ и бомбъ, бросаемыхъ непріятелями отъ Херсонеса и чрезъ Сѣверную бухту, отъ Инкерманскихъ высотъ.

Что было на перевязочныхъ пунктахъ? Здѣсь-то особенно было видно, что съ нами совершается въ тотъ праздникъ святой, который христіане привыкли проводить въ однѣхъ радостяхъ. Въ продолженіи 10 дней здѣсь двери почти не затворялись отъ вносимыхъ и выносимыхъ раненыхъ. Были приносимы и такіе страдальцы, коимъ всякая человѣческая помощь была безполезна. Но такихъ доктора, только взглянувъ сострадательнымъ взоромъ, на Латинскомъ языкѣ признавали безнадежными и, не медля, приказывали нести въ Гущинъ домъ, который уже давно прослылъ „домомъ смерти“. Здѣсь въ это время былъ переполненъ страдальцами не только домъ и его галлереи, но и большой конюшенный сарай. Между этими умирающими священнику, для оказанія имъ послѣдней помощи, можно было только прелазить, а не ходить: такъ ихъ здѣсь было много. Такими же безпомощными наполненъ потомъ и инженерный домъ, гдѣ какъ и въ Гущина домѣ, тревожили какъ больныхъ, такъ и служащихъ имъ вражескіе снаряды. Мнѣ самому въ Гущинѣ домѣ 29 Марта пришлось подвергнуться этому страху. Въ шесть часовъ утра я по обыкновенію пришелъ исповѣдывать и пріобщать раненыхъ больныхъ, въ каковыхъ никогда нѣтъ тутъ недостатка. Исповѣдавъ и пріобщивъ четырехъ во внутреннихъ комнатахъ, я перешелъ въ залу обращенную на улицу, чтобы тоже преподать больному, лежавшему за неимѣніемъ мѣста на полу. Только что началъ читать приготовленныя къ тому молитвы, поисповѣдовалъ,— гдѣ-то близко сильный взрывъ, задрожалъ домъ, зашумѣла крыша отъ сыпавшейся черепицы, и всѣ окна въ залѣ въ моментъ растворились. Хоть нѣсколько при этомъ разбилось, но и стекломъ никого ни изъ больныхъ, ни изъ здоровыхъ не задѣло. Такимъ образомъ, дѣло Божіе поневолѣ пришлось совершить и со страхомъ Божіимъ.

Легко раненыхъ, по осмотрѣ ранъ, уже перевязанныхъ, отправляли въ Николаевскую баттарею, которая, какъ ни вмѣстительна, уже не имѣла мѣстъ, по крайней мѣрѣ кроватей для легко раненыхъ. Много лежало ихъ здѣсь кучами такъ, на каменномъ полу, въ ожиданіи отъ сердобольныхъ сестеръ чаши воды или куска хлѣба, ибо и это при общей суматохѣ, при быстромъ умноженіи больныхъ, противъ дневнаго заготовленія довольствія, нелегко выполнялось. Нужно впрочемъ замѣтить, что легко раненными были тутъ не такіе больные, которые имѣли легкую боль, но тѣ, что̀ требовали ампутаціи, и слѣдовательно были терпимы до нѣкотораго досуга медикамъ. . . . . .

* * *

Достопочтенный Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ (род. въ 1818 г., † 20 Февр. 1898), воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, священникомъ при Севастопольской Петропавловской церкви, велъ свой дневникъ по приказанію архіепископа Иннокентія, который самъ посѣтилъ осажденный Севастополь и былъ такъ недружелюбно принятъ княземъ Меншиковымъ. Отецъ Арсеній кончилъ жизнь соборнымъ протоіереемъ въ Одессѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ. За сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ его драгоцѣннаго дневника, памятника пастырской доблести, мы обязаны благодарностью протоіерею Сергію, преподавателю Св. Писанія въ Одесскомъ Кадетскомъ корпусѣ. П. Б.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

И-132054

259949

263671

45

36

ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

КОПИРОВАНИЕ
23.01.04.